

Мнения историков

(на основе школьных учебников А.Н. Сахарова)

Warning: при использовании материалов для написания исторических сочинений следует быть внимательными и учитывать, что в подборке приводятся мнения не только по конкретным правителям, но и по целым периодам, а также историческим явлениям и процессам. Поэтому стоит вдумчиво применять нижеприведённые точки зрения и не цитировать просто ради самого цитирования.

Например, если у вас сочинение по **отдельной личности**, то нет необходимости давать оценку **всей эпохе**. И наоборот, если сочинение по «кроссвременному» периоду, то оценить нужно всё время в целом, а не одну-две персоналии, которые вам понравились больше, чем остальные.

Дискуссия о происхождении Древнерусского государства.

Регулярное появление варягов в восточнославянских землях, утверждение варяжской династии на древнерусском престоле стали не только знаменательным фактом в истории России, но и не менее знаменательным фактом в российской и мировой историографии.

Так кто же такие были варяги? К какой национальности они принадлежали? От ответа на эти вопросы зависят оценки исторического пути славянства в древности, уровня их политического развития, их международных контактов, особенно в контексте общеславянской истории.

Дискуссия о роли варягов в российской истории и их национальной принадлежности началось еще в середине XVII в. и продолжается до сих пор.

Одни считали варягов норманнами, скандинавами, исходя из того, что это была эпоха норманнских морских нашествий на богатые европейские страны, куда грабители — норманны отправлялись за добычей. Объектом этих нападений могли быть и земли восточных славян.

Долгое время господствовала точка зрения, что именно норманны — Рюрик и варяги создали государство в землях славян. А сами славяне были неспособны создать государственные структуры из-за своей дикости и отсталости.

Эта теория появилась во время противостояния Швеции и России в период Смутного времени, когда шведы захватили часть русских северо-западных земель с Новгородом, Карелию и искали исторические обоснования для своей экспансии. В дальнейшем всякий раз, как обострялось противостояние стран Запада с Россией, эти взгляды немедленно всплывали на поверхность в зарубежных сочинениях.

Ученых, исповедовавших эту точку зрения на создание российской государственности, стали называть **норманистами**, а их взгляды определили как норманнскую теорию создания Русского государства. Приверженцами норманистских взглядов в России в XVIII в. стали некоторые историки немецкого происхождения (**Г. Ф. Миллер, А. Г. Шлецер**), а также те представители официальной исторической науки XVIII — XIX вв., которые вслед за ними утверждали норманизм, полагая, что это возвышает правившую в течение семи веков в России династию Рюриковичей.

Противниками норманизма в том же XVIII в. стали выдающиеся русские историки **В. Н. Татищев** и **М. В. Ломоносов**, утверждавшие, что варяги и Рюрик — это представители южнобалтийского поморского славянства, которые были тесно связаны с

восточными славянами общностью происхождения, языка, исторических общеславянских связей. Представителей этой научной позиции стали называть антинорманистами.

Позднее, когда ученые в России (в XIX в. С. А. Геденов в двухтомнике «**Варяги и Русь**», Д. И. Иловайский и др.), а также советские историки (Б. Д. Греков и др.) и зарубежные специалисты доказали, что государственность вызрела у славян задолго до появления варягов, эта точка зрения была отвергнута.

Казалось, что вопрос решен. Но нет. **И сегодня существуют норманисты и антинорманисты. Только спор в основном идет по вопросу — кто были варяги по национальности.**

Норманисты, утверждая скандинавское происхождение варягов, нередко возвращаются к уже отжившим взглядам на исключительную роль скандинавов в создании русской государственности. В обобщенном виде эта точка зрения выражена в сборнике «*Древняя Русь в свете зарубежных источников*» (М., 1999).

Антинорманисты утверждают славянское происхождение варягов. Их точка зрения отражена наиболее полно в книге «*Антинорманизм. Сборник русского исторического общества*» (М., 2003, т. 8 (156)).

Главный аргумент сегодняшних норманистов — это находки в северо-западных славянских землях вещей, которые они трактуют как скандинавские. Антинорманисты опираются при отстаивании своих позиций на данные русских летописей, сведения иностранных письменных источников, материалы лингвистических, антропологических изысканий.

Так, Нестор-летописец пишет о происхождении Рюрика и призванных в 862 г. варягах: «Те варяги назывались русью», точно так же как свои этнические названия имели шведы, норманны (норвежцы), англичане и др.

Варяги, по мнению летописца, «сидят» к востоку от западных народов, по южному берегу Варяжского (Балтийского) моря. «А славянский язык и русский одно есть», — подчеркивает он. Это значит, что те князья, которых пригласили приильменские словене и кривичи, были им родственны. Это объясняет безболезненное и быстрое внедрение пришельцев в восточнославянскую среду, отсутствие в Древней Руси названий, связанных с германскими языками.

Дискуссия об уровне социально-экономического развития Древней Руси.

Вопрос об уровне социально-экономического развития Руси уже несколько десятилетий находится в сфере острой дискуссии. В пору складывания советской историографии истории Древней Руси в этой области исследования возобладала точка зрения **Б. Д. Грекова**, отраженная наиболее полно в его книге «*Киевская Русь*», а также в трудах его последователей в этой области исследований — **Л. В. Черепнина**, **В. Т. Пашуто** и позже **М. Б. Свердлова**.

Смысл ее заключался в том, что общественные отношения в Древнерусском государстве носили в основном феодальный характер уже с X в. Складывался класс феодалов, появилась феодальная земельная собственность, зарождались классовые отношения и классовая борьба. Элементы рабства на Руси были спорадическими. По существу, Греков и его последователи почти автоматически переносили уровень и масштабы развития феодальных отношений в Западной Европе на Древнюю Русь.

Эта точка зрения господствовала в течение долгого времени. Имеет она поддержку среди широких кругов историков и поныне.

Однако в 70-е гг. XX в. дерзкий вызов «школе Грекова» бросил молодой ленинградский историк **И. Я. Фроянов** в серии своих статей и в книге «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (Л., 1974). Впоследствии свои идеи И. Я. Фроянов и его ученики развивали в книгах и статьях.

И. Я. Фроянов полагал, что Б. Д. Греков и его последователи искусственно завышали уровень развития феодальных отношений и классовой борьбы в Древней Руси. Ничего подобного на Руси не было ни в X, ни в XI в. И лишь в конце XI в. забрезжил свет раннего феодализма со всеми характерными чертами этих общественных отношений. До этого времени преобладал патриархальный, родоплеменной уклад. Большинство населения были свободными собственниками земли на общинной основе. Одновременно в обществе существовали и рабовладельческие отношения. Спор между «школой Грекова» и «школой Фроянова» продолжается и по сей день.

Дискуссия о путях и центрах объединения русских земель.

Вопрос о путях и центрах объединения русских земель в XIV — первой половине XV в. в течение десятилетий был бесспорным.

Как в дореволюционной историографии (возможно, за исключением С. М. Соловьева), так и в советских исторических исследованиях и научно-популярной литературе не было сомнения в том, что сама история, сама судьба предначертала именно Москве, Московскому княжеству явиться миру в качестве собирателя русских земель, а впоследствии стать инициатором и создателем Русского централизованного государства.

Правда, в зарубежных работах отмечалось, что процесс этот был сложным и противоречивым, что не только Московское княжество, но и другие политические центры средневековой Руси, а также сопредельных стран, в первую очередь Литва, претендовали, и небезуспешно, на эту роль в российской истории. Однако этим взглядам трудно было пробиться через толщу официальной историографии.

Лишь в 90-е гг. XX в. стала формироваться и другая точка зрения. Ее смысл заключался в том, что процесс собирания русских земель не был заранее предопределенным, что вовсе не Москва поначалу выступала инициатором собирания русских земель, а Тверь, а впоследствии Литовско-Русское государство, где 90 % населения было русским и православным.

Эти взгляды отражены в работах **Д. Н. Александрова, А. Н. Сахарова, С. В. Думина** и др. В частности, Д. Н. Александров указал на попытку собрать русские земли и централизовать власть в XIII в. князьями Галицко-Волынского княжества, а позднее — Черниговским и Брянским княжествами. А. Н. Сахаров обратил внимание на то, что не Москва, а Тверь, ее великий князь Михаил Ярославич начал собирать под своей рукой северо-восточные русские земли.

Все эти авторы отметили важную историческую роль, которую сыграло в данном процессе Великое Литовское и Русское княжество в XIV в. При этом ученые полагают, что катализатором объединения во многом были отношения русских земель и Золотой Орды. Литовско-Русское государство, независимое от Орды, именно этим во многом и притягивало к себе другие русские земли. Тверь в начале XIV в. стала подниматься к роли объединителя русских земель также на антиордынской и антимосковской основе, поскольку Московское княжество шло прочно в фарватере политики Орды.

И лишь когда в Литве произошел поворот в сторону католицизма и унии с Польшей, а Москва прочно взяла в свои руки инициативу борьбы с Ордой и добила на

этом пути впечатляющих успехов при Дмитрии Донском, объединительная поступь Москвы, к которой потянулись все антиордынские и антилитовские силы, стала безапелляционной.

Против этих позиций выступают **Б. Н. Флоря**, **А. Л. Хорошкевич**, другие историки, которые придерживаются традиционных концепций. Эти взгляды выражены в книге *Т. В. Пауто, Б. Н. Флори, А. Л. Хорошкевич «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (М., 1982).*

Дискуссии о характере опричнины.

В неудачном исходе Ливонской войны и разорении страны немалую роль сыграла и знаменитая опричнина Ивана Грозного. В то же время она заняла важное место в политической жизни страны, в развитии ее государственности.

Опричнина была сложным, многоплановым общественно-политическим и социально-экономическим явлением в истории России, в истории развития и укрепления Русского централизованного государства.

Естественно, что опричная политика Ивана Грозного вызывала неоднозначные оценки среди историков. Если в дореволюционное время, начиная с *IX тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина*, опричнина обычно характеризовалась как средство необузданного, ничем не оправданного террора, сеющего ужас и разруху в стране, как отступление от «праведных» принципов самодержавия и укрепления государства в интересах всех сословий, то в советское время, **под непосредственным влиянием И. В. Сталина репрессивная политика Ивана Грозного изображалась как закономерная и оправданная историей борьба против сепаратизма и своеволия князей и бояр**, как необходимая мера на путях укрепления Российского государства.

Это нашло отражение в исторических трудах, литературных произведениях, в художественных фильмах, в учебной исторической литературе. В «послесталинский» период изучение опричнины приняло научный, менее идеологизированный характер, хотя сталинские оценки еще давали себя знать в виде некоторой идеализации опричнины в учебной литературе.

В научном плане опричнина изучалась группой ученых-специалистов по истории России XVI в. Наиболее крупными фигурами здесь были **А. А. Зимин** и **Р. Г. Скрынников**. Если А. А. Зимин в своей книге «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1962; книга была переиздана в 2002 г.) показывал во многом бессмысленный и безрезультатный характер опричных репрессий, которые отнюдь не привели к слому княжеского и боярского землевладения — этой основы сепаратистских настроений, то *Р. Г. Скрынников в работах «Начало опричнины» (Л., 1966), «Опричный террор» (Л., 1969), «Россия после опричнины» (Л., 1975),* напротив, полагал, что опричнина основательно выкорчевала корни крупного землевладения, явилась важным шагом на пути централизации государственной власти в России.

В последнее время появилась еще одна точка зрения на причины появления опричнины. Историк **С. А. Нефедов** высказал предположение о том, что опричная политика Ивана IV была навеяна моделями Османского мусульманского государства, где государственная идея провозглашалась господствующей по отношению к обществу, а государственная собственность — преобладающей формой собственности.

Как и в Турции, вся земля была поделена Иваном Грозным в период опричнины на две части; аналогичным образом проводилась и политика на опричной территории в интересах укрепления государства (см. статью *С. А. Нефедова «Реформы Ивана III и Ивана IV: Османское влияние»* в журнале «Вопросы истории», 2002, № 11, с. 30—53).

Дискуссии о причинах Смутного времени.

Смута как определенный период в русской истории получила различное толкование в исторических работах.

В дореволюционной историографии причины и ход Смуты в основном объяснялись династическим кризисом, пресечением династии Рюриковичей, появлением Лжедмитрия I, происками Речи Посполитой, что и породило «смятение умов» в Российском государстве, появление разного рода авантюристов и честолюбцев, которые играли судьбами сотен тысяч людей.

Правда, и до революции некоторые историки (*в первую очередь С. М. Соловьев и особенно С. Ф. Платонов в своем труде «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.»*) предпринимали анализ социально-экономических корней Смуты.

В советской историографии, напротив, именно поиск социально-экономических, классовых причин Смутного времени стал стержнем исследований, посвященных истории Смуты. Некоторые авторы вообще считали, что основным событием и содержанием Смуты стала Крестьянская война под руководством И. И. Болотникова. Они отрицали само понятие «Смутное время» как «буржуазное». Об этом писали **И. И. Смирнов** (*Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. — М., 1951*), **А. А. Зимин** (*В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. — М., 1986*), **В. И. Корецкий** (*Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI — начале XVII в. — М., 1970; Формирование крестьянского права и Первая крестьянская война в России. — М., 1975*).

Но одновременно складывалась и другая точка зрения на причины и ход Смутного времени. Ее выразителем стал ленинградский историк **Р. Г. Скрынников**. В своих работах *«Россия накануне Смутного времени»* (М., 1980), *«Россия в начале XVII в. Смута»* (М., 1988) он уделил основное внимание социально-политическим аспектам того времени, ожесточенной борьбе за власть в правящих кругах России. Именно он вернул тому периоду понятие «Смутного времени».

В известной степени позиция Р. Г. Скрынникова нивелировала классовый акцент, проставленный на событиях Смуты рядом авторов.

В своей более поздней работе *«Спорные проблемы восстания Болотникова»* в журнале *«История СССР»* (1989, № 5) Р. Г. Скрынников вообще отказывается движению Болотникова в праве называться крестьянской войной, поскольку в составе войска Болотникова не возобладали «антикрепостнические элементы», как это пытались представить сторонники классовых оценок Смуты, и никакой программы уничтожения крепостного права у вождя движения не было. В выпущенной в США в 1993 г. книге *«Гражданская война в России в начале XVII столетия (1603—1607). Характер и движущие силы. Новые перспективы московской истории»* автор считает, что в центре Смуты была гражданская война.

Н. И. Павленко также считал, что восстание Болотникова было в основном казачьим выступлением и главным его требованием стало восстановление сословных привилегий казаков (*статья Н. И. Павленко «К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах» в сборнике «Социально-экономическое развитие России»* (М., 1986).

Четко выразил эту точку зрения на Смуту американский историк **Ч. Даннинг**:

гражданская война стала смыслом Смуты, а ее причинами — протест против введения самодержавия при Иване Грозном, кризис поместной системы землепользования, закабаление крестьян в конце XVI в., политика Годунова в отношении пограничных территорий и казаков, а также трехлетний голод (*статья Ч. Даннинга «Была ли в России в начале XVII века Крестьянская война» в журнале «Вопросы истории» (1994, № 9).*

В последние годы, уже на рубеже XX и XXI вв. взгляд на Смуту как прежде всего на гражданскую войну в России был дополнен новыми оценками с точки зрения цивилизационного развития страны: события Смуты рассматривались в качестве попытки России в сфере политической перейти к моделям Польши и Швеции, где появились представительные органы, выборность монарха (Речь Посполитая) (*А. Н. Сахаров «Смутное время» в книге «История человечества» (т. VIII, Россия, М., 2003, с. 169—192).*

Споры о Новом периоде русской истории.

XVII век часто называют началом Нового периода русской истории, началом Нового времени. Такое определение, появившееся в одной из работ В.И. Ленина (который отталкивался от некоторых концепций, существовавших в историографии конца XIX — начала XX в.), долгие годы заставляло историков нашей страны искать признаки, которые выделяли бы XVII век как важную грань в периодизации истории нашей страны.

В российской исторической науке до сих пор существуют острые споры в подходе к периодизации всей российской истории. Одна часть историков за основу этой периодизации берет признаки социально-экономические, способ производства и соответствующую ему политическую надстройку. Основой здесь являются труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Ученые делят историю по формационному принципу: рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм. Начало Нового времени в данной схеме отождествляется с зарождением капитализма.

Другие ученые полагают, что формационные признаки имеют право на жизнь и свойственны в основном западноевропейским странам, где они проступали на протяжении веков в достаточно чистом виде. Но даже там, не говоря о других регионах, они, учитывая многоукладный характер многих стран, недостаточны, не проступают в них в кристаллизованном виде, переплетаются друг с другом и не дают возможности четко характеризовать тот или иной крупный хронологический период. Эти ученые предлагают периодизировать историю по цивилизационному принципу. В основу его кладутся не только социально-экономические и политические признаки, но и культура, образ жизни, психология, обычаи людей, качество их жизни. Отсюда вся человеческая история делится на Древний мир, Средневековье, Новое время и Новейшую историю.

В этой связи споры о Новом периоде русской истории целесообразно рассматривать в двух аспектах.

1. Споры между сторонниками формационного подхода к истории. **Большая группа отечественных историков (Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, А. А. Преображенский, С. М. Троицкий, Е. И. Индова, Ю. А. Тихонов и многие другие)** доказывают, что капиталистический уклад (а именно его признаки клали они в основу периодизации Нового периода русской истории в отличие от феодализма) начал формироваться в России в XVII в. (первые признаки находят еще в XVI в.), продолжал свое развитие в XVIII и первой половине XIX в. Но лишь после реформ 60—70-х гг. XIX в. капитализм в России победил как общественный строй.

Другие ученые (Н. И. Павленко, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов и др.) не

соглашаются со столь ранним возникновением капитализма в России, а значит, и наступлением Нового периода русской истории, и относят формирование капиталистического уклада, а значит, и наступление Нового периода, лишь ко второй половине XVIII в.

Но для всех этих историков Новый период русской истории отождествляется с наступлением эпохи капитализма, как это было на Западе с XVI в.

2. Споры между сторонниками формационного и цивилизационного подходов к периодизации истории. Так, если сторонники формационного подхода отождествляют (и применительно к России) наступление Нового времени с пришествием капитализма, то сторонники цивилизационного подхода такого тождества не усматривают. Они полагают, что нельзя переносить характерные для Запада черты как формационных, так и цивилизационных признаков на Россию, поскольку в нашей стране существовало такое переплетение как формационных, так и цивилизационных признаков, которое не дает возможности проводить прямые аналогии со странами Запада. А потому термины «Средневековье» и «Новое время» к России либо вообще не применимы, либо охватывают совсем другие хронологические периоды, чем на Западе.

Наиболее ярко эту точку зрения выразил **А. Б. Каменский** в своей статье «Средневековье» и «Новое время»: границы понятий в контексте русской истории» (*Историк во времени. Третьи зиминские чтения. Доклады и сообщения научной конференции.* — М., 2002. — С. 43 — 61).

Автор приходит к выводу, что лишь в XVIII в., со времени реформ Петра I в России начало медленно и неуверенно разрушаться Средневековье, для которого были свойственны, прежде всего, обусловленность его социальной организации и жизни религиозными и мифологическими представлениями, но отнюдь не научными, коллективистский характер общества (община), отсутствие суверенной личности, авторитарный характер власти и т. д.

Характерными же чертами капитализма являются частная собственность на все средства производства, механизация производства, рациональная организация труда, свободный рынок, универсальные законы, становление свободной личности, наличие гражданских прав и свобод. Лишь к концу XVIII в. в России стали проявляться некоторые из этих признаков. Поэтому допетровский период **А. Б. Каменский** предлагает определять как традиционное общество, период с XVIII в. до первой половины XIX в. — как раннее Новое время и лишь с 1861 г. считать наступление в России Нового времени, и то с большими оговорками.

Дискуссия о месте и роли Петровских реформ в истории России.

Вот уже более двухсот лет фигура Петра I, его преобразования вызывают споры среди ученых. При этом с самого начала наметились два противоположных подхода: апологетический и критический, которые временами сходились, но потом расходились вновь.

Первые оценки личности и деятельности Петра I были высказаны в XVIII в. **И. И. Голиковым** («Деяния Петра Великого») и **М. В. Ломоносовым**. Их восхищало в Петре I, кажется, все — и его яркая личность, и масштабы его преобразований, и свершения во время Северной войны.

Но уже во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. среди историков стало складываться и критическое отношение к личности и деятельности Петра. **М. М. Щербатов** в своем сочинении «О повреждении нравов в России» и **Н. М. Карамзин** с позиций озабоченности судьбами дворянства в России обратили внимание на крутую закрепостительную политику Петра по отношению к дворянству, когда каждый дворянин

обязан был служить либо в армии, либо по гражданскому ведомству. В этом они видели ущемление прав и привилегий дворянства, ведущего, созидательного сословия России.

В дальнейшем в обобщающих трудах по истории России и в специальных работах о Петре I **С. М. Соловьева** и **В. О. Ключевского** был достигнут некоторый компромисс в оценке Петра I. Грандиозность свершений Петра I, величие его личности увязывались с импульсивными, не всегда продуманными, порой крайне жестокими действиями преобразователя. Оба историка подчеркивали общность реформ Петра и преобразований в XVII в. его отца — царя Алексея Михайловича и брата — царя Федора Алексеевича в области военного дела, экономики, культуры.

В начале XX в., в предреволюционную пору и в годы Первой русской революции, по мере того как в России крепились либеральные настроения, созревало гражданское общество, вновь зазвучали критические мотивы в оценке деятельности Петра I. Лидер кадетской партии, известный историк **П. Н. Милюков** в своем труде *«Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого»* (СПб., 1905) писал о том, что Петр был виновен в закреплении всех слоев общества, что при нем Россия в отношении личных прав и нравов людей закаменила.

Советское время поначалу как бы повторило предшествующие оценки личности и деятельности Петра I. С одной стороны, налицо были резко критические суждения в духе идеологической критики свергнутого старого строя, выраженные наиболее ярко в работе тогдашнего лидера советской исторической науки **М. Н. Покровского** *«Русская история в самом сжатом очерке»* (М., 1934). Покровский считал, что Петр I создал военно-феодалное, полицейское государство с оторванной от народа и враждебной ему бюрократией. В этих оценках преобразования Петра I имели сугубо классовый, антинародный характер.

Одновременно в 20-е гг. XX в. в историографии продолжала существовать достаточно взвешенная «классическая» линия суждений о Петре I и его времени. **М. М. Богословский** в труде *«Петр Первый и его реформы»* (М., 1920), **С. Ф. Платонов** в труде *«Петр Великий. Личность и деятельность»* (Л., 1926) достаточно высоко оценивали реформы Петра I, подчеркивали, что преобразователь поднял Россию на новую цивилизационную высоту.

Однако голос профессоров старой школы был плохо слышен в Советском Союзе, опровергавшем в 20-е гг. под руководством М. Н. Покровского все и вся в истории старой России.

Лишь после публикации в 1934 г. письма руководителей Коммунистической партии и Советского государства — И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова по поводу преподавания истории в школе, в котором авторы, учитывая канун грозных военных лет и необходимость сплотить страну не на символах отрицания и разрушения старого, а на примерах патриотического служения Родине, призывали историков вернуться в отображении прошлого России к ценностям государственным, культурным, патриотическим. Это означало конец исторических подходов М. Н. Покровского, в том числе и в вопросе оценок Петра I.

С этого времени в историческую науку (как и в художественную литературу, кинематограф) возвращается идеализированный образ Петра I и его деяний, где государственная польза выносится на первый план (роман А. Н. Толстого, фильм режиссера В.М. Петрова).

Пик апологетики Петра I и его преобразований пришелся на предвоенное, военное время и первые послевоенные годы. В этот период появилась серия книг и статей **П. П.**

Елифанова, Б. С. Тельпуховского, Б. Б. Кофенгауза, посвященных военным реформам Петра I, истории Северной войны, преобразованиям в области экономики, культуры. В этих трудах глубокие общественные противоречия эпохи Петра I, величайшие человеческие жертвы и страдания людей отходили на второй план. Особенно сложно было увязать величие Петра I и его реформ с вспышками народных выступлений против петровских преобразований и непомерных налоговых требований государства, против привлечения в армию десятков тысяч рекрутов, а также с насильственным (временным и постоянным) переселением людей в Воронеж, Петербург, на строительство флота и города на Неве.

Со второй половины 80-х гг. — в 90-е гг. XX в., когда цензурные рогатки в России сначала ослабли, а затем были полностью ликвидированы и на первый план в общественном сознании вышли либеральные, демократические ценности, в исторической науке осуществился возврат к либеральной трактовке личности и реформ Петра I, выраженный полнее всего в трудах ленинградского историка **Е. В. Анисимова** (*«Время петровских реформ»* (Л., 1987); *«Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в.»* (СПб., 1997)).

Е. В. Анисимов обращал основное внимание на развитие Петром I самодержавных принципов управления, на дальнейшее закрепощение народа, превращение русского крестьянства в объект жестокой эксплуатации, ликвидацию сохранявшихся еще со времен XVII в. остатков свобод в России. Кнут и дыба стали символами петровского времени. Самого Петра автор характеризует как правителя безграмотного, неуравновешенного, лишенного каких-либо нравственных ценностей.

В это же время продолжал работать над историей Петра I и его времени известный московский историк **Н.И. Павленко** (*«Петр Великий»* (М., 1990), *«Петр Первый»* (М., 2005) и др.). В его трудах о Петре I и его сподвижниках как бы уравнивались негативные и позитивные акценты в обрисовке темы. Автор развертывает всю грандиозность преобразований Петра, но не закрывает глаза на темные стороны его личности и времени.

Дискуссия о характере социальных движений в России в XVII—XVIII вв.

На протяжении XVII—XVIII вв. Россию, как мы это уже видели, потрясли несколько крупных социальных движений. В них принимали участие казачество, крестьянство, городские низы.

Дореволюционная историография (обобщающие труды **Н. М. Карамзина**, **С. М. Соловьева**, **В. О. Ключевского**), как правило, уделяла этим событиям эпизодическое внимание и рассматривала их лишь как бунтарские явления, сотрясавшие основы российской государственности. Дореволюционные историки были далеки от того, чтобы анализировать социальную природу движения низов общества, выявить причины постоянства этих социальных взрывов, их размах и ярость.

В советское время социальные движения низов в XVII—XVIII вв., напротив, привлекали неизменный интерес историков, подталкиваемых к изучению революционных, антиправительственных выступлений в российской и зарубежной истории руководством страны. Однако столь пристальный интерес к этой теме позволил не только обрисовать истинное положение трудовых слоев населения накануне их выступлений и тем самым выявить их причины, не только подробно описать сам ход и

результаты этих движений, но и постепенно превратить их чуть ли не в главные события российской истории.

Все более пристальное внимание к социальной борьбе крестьянства и низов города за свои права, против усилившейся эксплуатации привело к идеализации этих движений. Все они были признаны крестьянскими войнами, подобными Крестьянской войне в Германии в XVI в., описанной Ф. Энгельсом. Преувеличивался элемент сознательности и организованности этих движений и их позитивное воздействие на российскую историю. А восстание Пугачева по своему описанию оказалось близко к буржуазно-демократическим революциям Запада. При этом роль государства и всех противников этих выступлений рисовалась лишь черными красками.

Характерными в этом смысле стали монографические издания, серии статей, сборники документов о восстаниях под руководством И. И. Болотникова в начале XVII в., С. Т. Разина в начале 70-х гг. XVII в., К. А. Булавина в начале XVIII в., Е. И. Пугачева в 70-е гг. XVIII в. К ним можно отнести работы **И. И. Смирнова** «*Восстание Болотникова. 1606—1607 гг.*» (М., 1951); **И. В. Степанова** «*Крестьянская война в России в 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина*» (Д., 1966—1972, т. 1—2); **В. И. Лебедева** «*Булавинское восстание (1707—1708)*» (М., 1967); сборники «*Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева*» (Л., 1961—1970, т. 1—3); «*Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения*» (М., 1974) и др.

Однако по мере освобождения российской исторической науки в конце 80-х—90-е гг. XX в. от идеологических пут все слышнее стали голоса в пользу того, чтобы восстановить объективный подход к истории выступлений народных масс в России.

Вышли в свет некоторые публикации дореволюционных историков, посвященные этой теме (статья **А. А. Кизеветтера** «*К истории крестьянских движений в России*» в журнале «*Вопросы истории*» (1994, № 1), в которых народные выступления не выстраивались по одному ранжиру, а оценивались в соответствии с особенностями места и времени их возникновения; с них снимался флёр идеализации.

К этим публикациям примкнули и статьи, написанные в последние годы российскими и иностранными учеными, которые пытались восстановить объективное видение народных выступлений в XVII—XVIII вв. Так, **американский историк Ч. Даннинг** (статья «*Была ли в России в начале XVII века крестьянская война?*» в журнале «*Вопросы истории*» (1994, № 9) утверждает, что роль крестьянства в движении И. И. Болотникова была невелика, что это движение инициировалось и поддерживалось в первую очередь казаками и городскими низами, чей уровень классового сознания был весьма невелик. Большое внимание автор обращает и на чисто разбойные элементы в этом движении, которые вообще замалчивались советской историографией.

В. М. Соловьев в статье «*Актуальные вопросы изучения народных движений (полемические заметки о крестьянских войнах в России)*» (журнал «*Вопросы истории*» (1990, № 3) вообще ставил под сомнение сам термин «крестьянские войны» применительно к движениям Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева и выступал против того, чтобы зауживать классовыми рамками народные выступления, имевшие самый широкий протестный аспект.

В. М. Соловьев также писал, что совершенно недопустимо романтизировать во многом антигуманистические движения, указывал на стремление восставших решать сиюминутные задачи и подчеркивал, что эти движения не могут быть предметом гордости, поскольку несут на себе печать отсталости, стихийности, кровавых расправ, свойственных Средневековью. Вожди же восставших народных масс в этом смысле были под стать самим этим массам.

Движение декабристов и его оценки в российской исторической науке.

В течение XIX в. движение декабристов замалчивалось официальной российской историографией, поскольку оно подняло руку на святая святых тогдашней системы власти — самодержавие.

В либеральной печати героев 14 декабря 1825 г. упоминали в основном в части их реформистских настроений, гуманистических, свободолюбивых идеалов, как борцов за законность и справедливость, что в начале XX в. стало близко идеалам кадетов.

Лишь за пределами России мятежный А. И. Герцен и его лондонский «Колокол» возвещали набатную правду о движении молодых революционеров, которых Герцен называл «богатырями, кованными из чистой стали».

Большое внимание истории декабризма уделял в начале XX в. вождь большевиков В. И. Ленин, который в своих статьях о декабризме вслед за А. И. Герценом высоко оценивал их революционный подвиг, решительность, жертвенность, считал их исторической предтечей большевизма. После революции 1905—1907 гг. в России рухнули многие прежние препоны, в том числе и некоторые цензурные ограничения, появились гражданские свободы, в том числе свобода печати. С этого времени о декабристах стали писать много и достаточно объективно. Появились очерки о самом восстании 14 декабря 1825 г., документальные публикации о тайных обществах в России, материалы о судьбах ссыльных декабристов.

После Октябрьской революции начинается подлинный бум в изучении декабристов, который достиг небывалого размаха в 1925 г., в год столетия восстания. В СССР началось издание многотомной документальной публикации «Восстание декабристов», которая включала следственные дела декабристов, материалы суда над ними. В эти же годы ряд выдающихся советских ученых — **М. В. Нечкина**, **М. Дружинин** и др. начинают исследовательскую разработку темы декабризма. Ее итогом стало *двухтомное сочинение М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955, т. 1—2)*, ее книга *«А. С. Грибоедов и декабристы» (М., 1947)*, книга *Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933)* и многие другие. Список исследований о декабристах рос с каждым годом и достиг к 80-м гг. XX в. многих сотен названий.

Этот поток был не случаен. Во многом он определялся идеологическими установками на предпочтительное раскрытие в российской истории роли трудящихся масс, их классовый борьбы, а также революционного движения, одним из ярких этапов которого было движение декабристов. При этом не допускались какие-либо критические подходы к теме: декабристы выступали в качестве идеальных героев революции, и даже разногласия между ними, отход в сторону умеренных членов тайных обществ трактовался в пользу закономерной победы решительной революционно настроенной декабристской фаланги во главе с П. И. Пестелем, К. Ф. Рылеевым. А их слабости, революционный романтизм, наивный утопизм и то, что они были, как писал Ленин, «страшно далеки от народа», вызывало у исследователей восторг умиления.

Лишь в 90-е гг., в пору обновления всего исторического исследовательского арсенала, дошла очередь и до декабристов.

Исследователи стали обращать внимание не только на экстремистское крыло декабризма (Пестель, Рылеев и др.), отмеченное как решительными шагами и планами, в том числе абсолютно утопическими для тогдашней России, в области общественного переустройства (уничтожение крепостного права, ликвидация самодержавия, провозглашение России республикой, введение в стране всеобщего равного и тайного избирательного права и т. д.), так и весьма жестокими методами достижения этих целей (убийство императора и членов его семьи, вооруженный мятеж и захват власти,

«разрушение общества», деление населения на «ведущих» и «ведомых», игнорирование прав и интересов других народов России (Пестель). (См. об этом статью А. Н. Сахарова «Конституционные проекты и судьбы российской цивилизации» в книге «Конституционные проекты в России» (М., 2000), статью И. Сиземской «Социалистическая утопия как архетип русской мысли» в журнале «Свободная мысль» (2001.— № 8).)

Все больший интерес стало вызывать либерально-конституционное крыло декабризма, близость этого направления к планам сподвижников Александра I — М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева. И в этом смысле российская историография возродила либеральные оценки дореволюционного прошлого.

Эти новые подходы вызывают сегодня критику со стороны приверженцев «старой школы» за якобы принижение революционной сущности декабризма, искажение облика П. И. Пестеля и т. д. (См. статью С. В. Тютюкина «От декабризма до посткоммунизма» в журнале «Отечественная история» (2002.— № 6).) Спор продолжается.

Споры о месте России в мировой экономике конца XIX — начала XX в.

Вопрос о роли и месте России в мировой экономике в конце XIX — начале XX в. давно был очень спорным.

Некоторые советские историки, стараясь принизить достижения дореволюционной России, писали, что она была «полуколонией» западноевропейских держав. Иностранный капитал, утверждали они, захватил в свои руки российские банки, а вслед за тем подчинил себе и промышленность. Русское правительство вынуждено было считаться с волей иностранных финансовых монополий и согласовывать свою политику с правительствами их стран. Во главе группы историков, которые отстаивали такие взгляды, в первые годы существования СССР стоял академик **М. Н. Покровский**.

Но уже тогда, в 20-е гг. XX в., другие историки отмечали несоответствие подобных утверждений с фактическими данными — с постепенным переходом акций банков и промышленных предприятий в русские руки и вытеснением иностранцев из состава директоров и управляющих. С критикой взглядов школы Покровского выступили **А. Л. Сидоров** и **И. Ф. Гиндин**, которые разъясняли, что в новейшие времена переплетение иностранного и национального капитала — обычное явление, из которого нельзя делать поспешных выводов об экономической или политической зависимости от других государств. К началу 30-х гг. такие взгляды среди историков распространились довольно широко.

Положение резко изменилось с 1934 г., когда в работах И. В. Сталина и в книгах, вышедших под его редакцией, стал проводиться тезис о полуколониальной зависимости России от ведущих стран Западной Европы. Особенно решительно об этом было заявлено в «Кратком курсе истории ВКП(б)», который стал основным учебником по Новейшей истории нашей страны в учебных заведениях.

Только после XX съезда КПСС (1956) данная проблема начала пересматриваться. Тезис о полуколониальной зависимости был отброшен. Россия была признана страной среднего уровня развития капитализма. Отмечалось, однако, что за этим средним уровнем скрывалось противоречие между передовыми формами финансово-промышленного капитализма и отсталым сельским хозяйством. Современные историки отмечают, что в России не был закончен переход от сословной структуры общества к

классовой. Высоким был удельный вес переходных, промежуточных слоев населения (например, разорившихся крестьян, еще не ставших рабочими). Все это обостряло положение в стране и грозило социальным взрывом.

Полное название используемых учебников:

Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений : профил. уровень / под ред.

Сахарова А.Н. / 18-е изд. – М.: Просвещение, 2012 – 336 с.

Сахаров А.Н., Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России, конец XVII – XIX век. 10 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений : профил. уровень / под ред. Сахарова А.Н. / 18-е изд. – М.: Просвещение, 2012 – 336 с.

Другие материалы к ЕГЭ по истории можно посмотреть на сайте История (ЕГЭ) и кот Степан <http://historystepa.ru/>